

А.Н. НУРАЛИЕВ

**МУХТАР АУЭЗОВ И
ТАДЖИКСКАЯ ЛИТЕРАТУРА**

Мақалада қазақ әдебиетінің алыбы – Мұхтар Әуезовтың шығармашылық тұлғасы сараланып, жазушының қазақ және тәжік халықтары әдеби байланысындағы орны қарастырылады.

Статья посвящена творчеству классика казахской литературы Мухтара Ауэзова, рассмотрена взаимосвязь казахской и таджикской литератур в произведениях писателя.

The article is devoted to creative personality, master of kazakh literature Mukhtar Auevov, interrelation of the kazakh and tajik literatures in creativity of the writer is considered.

В истории таджикско-казахских литературных взаимосвязей огромная роль принадлежит великому казахскому писателю Мухтару Ауэзову, который помимо творческих заслуг завоевал признательность в исследовании и налаживании литературных связей Казахстана со многими народами мира.

Незаурядная личность и писательская деятельность М.Ауэзова получили свою оценку не только в Казахстане, но и далеко за его пределами. О нем писали мастера художественного слова с мировыми именами. Хотя об М.Ауэзове написано много научных работ и монографических исследований, посвященных его творчеству, существует еще ряд вопросов, не освещенных в научной литературе. Одной из таких малоизученных проблем является его отношение к таджикской литературе, воздействие его творчества на отдельных таджикских писателей и восприятие его произведений таджикской читающей публикой.

Прослеживая творческий путь М.Ауэзова и оценивая значимость его творчества для казахской литературы, писатель А.Нурпеисов заключает, что «тема духовного пробуждения народа была главной в ауэзовских рассказах двадцатых-тридцатых годов. В них показана панорамная картина, полная гражданского пафоса и затрагивающая крупные социальные проблемы. Каждый из них свидетельствует о творческой потенции и широком дыхании эпика. И они являлись как бы зачином, прелюдией к будущему широкому полотну, по праву ставшему энциклопедией народной жизни. Каждый рассказ писателя, взятый в отдельности, освещал ту или иную конкретную сторону многогранной казахской действительности, открывал сочные и яркие образы в соответствии с общественно-социальной правдой, с правдой характеров, показывал человеческое счастье и горе, радость и беду, любовь и ненависть, взлеты и падения. В целом, взятые все вместе, эти рассказы открыли совершенно новый, неизведанный, не тронутый никем до Ауэзова мир. Творчество Ауэзова явилось гражданским подвигом. И если казахский народ, пятьдесят лет назад не имевший своей письменной литературы, может нынче по праву гордиться литературой развитой и многожанровой, то этому взлету он в большей степени обязан таланту Мухтара Ауэзова. Свидетельством тому – монументальное творение писателя «Путь Абая» [5, с. 307].

В многогранной деятельности великого писателя, высокообразованного ученого-литературоведа, академика М.Ауэзова особое место занимают проблемы литературных связей. Мысль «Учеба друг у друга» становится одной из основных тем статей и выступлений М.Ауэзова, посвященных как истории казахской литературы, так и сравнительному изучению литератур народов Средней Азии и Казахстана. «Чтобы яснее раскрыть то специфическое, что привносится из разных национальных почв, он не однажды анализирует индивидуальные особенности писателей, обратившихся к какой-то одной теме. Для него общее, сближающее столь же важно, как и национально специфическое [4, с. 115].

М.Ауэзов в числе первых казахских ученых придавал первостепенное значение художественному переводу как фактору и стимулятору развития литературных взаимоотношений народов. Его перу принадлежит множество статей компаративного характера, преимущественно анализирующих литературный процесс среднеазиатского региона. «Общее теоретическое

положение М.Ауэзова о литературных взаимоотношениях обеспечивается на сравнительном изучении чаще всего произведений литератур Центральной Азии, Поволжья, в развитии которых было много исторически сходных моментов. Ауэзов был одним из тех литературоведов, которые своими трудами вырабатывали новые принципы изучения советской литературы как многонациональной, развивающейся во взаимосвязи всех составляющих ее литератур с их общими закономерностями и тенденциями» [4, с. 115].

М.Ауэзов как крупный знаток сравнительного изучения литератур находит «множество истоков», повлиявших на формирование казахского национального устно-поэтического творчества и литературы. В статье «Проблемы изучения истории казахской литературы он писал: «Ясные следы влияния индийско-буддийской, монголо-тибетской, древнеиранской, арабской мифологии, а через них влияние древностей известной чести переднеазиатских средиземноморских народов обнаруживают почти столь же древние сюжеты мифов, космогонии, сказок, эпоса древнейших родовых союзов: уйсунь канглы, кипчаков, конгратов, найманов, жалаириров, вошедших позже значительными группами в конгломератный состав казахского союза» [1, с. 213].

Анализируя историю становления и развития казахской литературы, М.Ауэзов определяет их тенденцию взаимных связей с инонациональной литературой: с восточной культурой, русской классической и советской литературой и взаимодействие с литературами народов бывшего СССР.

Такие общие и теоретические суждения Ауэзова о литературных связях конкретизируются в его суждениях о казахско-таджикских литературных взаимоотношениях. Поэтому считаем уместным сначала определить отношение М.Ауэзова к таджикской литературе и ее связям с казахской. Он определяет различные отношения казахских поэтов конца XIX и начала XX вв. к наследию Фирдоуси, Хафиза, Саади, Низами и др.

М.Ауэзов со всей серьезностью и уважением относился к таджикской литературе. Его творчество является целой главой в истории таджикско-казахских литературных связей советского периода. Перу М.Ауэзова принадлежит ряд замечательных мыслей о творчестве Рудаки, Фирдоуси, Хайяма, Саади, Хафиза, А.Дониша, С.Айни, А.Лохути, М.Турсунзаде, С.Улугзаде, Д.Икромии и др. Наряду с этим он не раз доказывал, что казахские поэты и писатели второй половины XIX и начала XX вв. своими достижениями обязаны, прежде всего, персидско-таджикской классической литературе.

Неоценима роль М.Ауэзова в возрождении многовековых связей литератур двух народов, в пропаганде и ознакомлении казахского читателя с таджикской литературой. Это приобретало особое значение, когда в 30-40 годы в связи с идеей пролетарской культуры среди казахской интеллигенции бытовало мнение, что восточное влияние, в том числе влияние персидского литературного наследия, вредит идейно-эстетическому становлению казахской национальной литературы. Один из первых, кто доказал несостоятельность этого взгляда, был Ауэзов, который в своих статьях подчеркивал благотворное влияние восточной литературы на творчество Абая и других поэтов и писателей его времени.

Еще в годы учебы в вузах России и Средней Азии М.Ауэзов серьезно занимался изучением таджикской классической литературы. Интерес и любовь к этой литературе укрепились в нем и благодаря лекциям выдающихся востоковедов В.Бартольда, А.Самойловича и др. [3, с. 378].

Если систематизировать научные взгляды М.Ауэзова о взаимосвязи персидской и тюркской литератур, то можно обнаружить его собственную концепцию о роли восточной (в т.ч. таджикской литературы) в развитии тюркских национальных (в т.ч. казахской) литератур. Она проявилась еще в ранних его исследованиях о героическом эпосе киргизского народа «Манас». Его фундаментальное исследование по этому поистине величественному эпосу начинается с середины 1930 года, когда будучи аспирантом востфака САГУ он приезжает из Ташкента во Фрунзе для специального изучения «Манаса». Его многочисленные статьи об этом эпосе, написанные в 30-е годы, затем легли в основу монографии «Киргизский героический эпос «Манас» [2, с. 66]. Настоящая монография примечательна тем, что в ней наравне с сопоставительным исследованием многих эпических произведений западных и восточных народов, особое внимание обращается на сравнительное изучение «Манаса» с «Шахнаме» Фирдоуси. При этом Ауэзов выявляет важные моменты, сближающие их – сюжетно-повествовательная канва, образы главных героев, линии борьбы и др., что является следствием контактных связей и типологического схождения, обусловленных близостью эпических традиций этих народов.

Анализируя сюжетные линии различных вариантов эпоса, связанные с врагами Манаса, М.Ауэзов усматривает в них параллель с врагами Рустама. «...Тема с Джолой, – пишет он, – составляющая отдельный эпизод в

радловском варианте, здесь не выделяется особо, потому что Джолой, как и Конурбай и Эсен-хан, фигурируют во многих главнейших частях поэмы в качестве постоянных противников Манаса. Тема о них впиталась в канву, составив органическое сюжетное целое, как тема об Афрасиябе в «Шахнаме» [2, с. 88].

Заслуживает интереса то обстоятельство, что Ауэзов видит в текстах "Манаса" заимствования из иностранного языка, обнаруживающие следы вмешательства поэта или поэтов книжно грамотных. Не говоря уже о таких арабо-персидских и персидско-узбекских заимствованиях, как шер (лев), Муштум (кулак), тамом (конец), урматтуу (уважаемый), наюмут (безнадежный) и т.п., ставших общеупотребительными. Встречаются и такие слова, как байбан (пустыня), барг (листья), жам (чаша), бузурук (велики) и т.д. – яркое доказательство влияния иранского книжного эпоса или чагатайской литературы [2, с. 142].

Проводя далее поиски следов этого влияния, М.Ауэзов продолжает «характерно распространение этого книжного влияния на образы, когда какой-нибудь герой сравнивается с Рустамом:

Устуно кийген кок темир
Чопкут соот кыягы,
Улкон Алма батырдын
Урустемдой сыягы...

Одетый в серое железо,
В латы из литого панциря,
Великий Алма-батыр
Подобен Рустаму.

В другом случае певец (киргизский сказитель – А.Н.) не только упоминает имя Рустама, ставшее вообще нарицательным, но и демонстрирует знакомство с фабулой «Шахнаме» и с некоторыми персонажами этого произведения, как, например, Афрасияб и другие» (2,142).

Углубляясь в проблему, М.Ауэзов пишет, что в «Манасе» и «Шахнаме» много совпадающих мотивов в характеристике образов и судеб героев. Так же сходны и антагонисты героев – Конурбай и Афрасияб (оба неверные) [2, с. 142].

Далее М.Ауэзов характеризует ряд персонажей обоих произведений, подчеркивая, что связь «Манаса» с «Шахнаме» не случайна. Он приводит неопровержимое доказательство к своему предыдущему суждению. «Нео-

бычно долго живет Зол, – пишет ученый, – пережив своего сына Рустама, который тоже успевает выступить в совместном бою со своими потомками чуть ли не четвертого колена. Если не в такой степени долговечен Манас, то его отец Бай-Джакып живет очень долго и тоже переживает и погибает насильственной смертью от руки внука. Долго живет враг Рустама Афрасияб. В «Манасе» долговечны Конурбай, Джолой и все его сильные враги, и лучшие друзья-соратники. Всю жизнь не расстаются герои обеих поэм со своими конями. Рустам терпит вероломство близких ему людей, как, например, родственника Кейкавуса, обязанного ему своим тронном. Враждуют с Манасом и покушаются на его жизнь ближайшие родственники – кёзкаманы» (2, 143).

При сравнительном изучении «Манаса» с «Шахнаме» М.Ауэзов показывает исчерпывающее знание этого великого творения Фирдоуси. Его талант ученого-литературоведа проявляется в сопоставлении судеб, счастья и трагедии этих народных героев. «Внешняя разница, – говорит М. Ауэзов, – в положении Рустама и Манаса заключается в том, что первый – не шах, тогда как Манас становится ханом. Зато Рустаму обязаны своим тронном все жившие при нем «властители мира» (шах Жихан), фактические ставленники его. Различны также семейные мотивы жизни героев. Рустам имеет много детей, что составляет для него одновременно и счастье, и трагедию. История его поединка с неузнанным сыном Сохрабом кладет начало получившему впоследствии почти мировое распространение странствующему мотиву "боя отца с сыном". Манас же почти всю жизнь остается бездетным, увидев появление на свет единственного сына Семетея лишь перед смертью. На этом подчеркнутом с идеалами семейно-родового начала построена, собственно говоря, единственная трагедия жизни самого Манаса и его любимой жены Каныкей [2, с. 143].

Такое доскональное знание этих двух величественных поэм, скрупулёзный анализ их различий и сходств делает честь Ауэзову и поднимает его научный авторитет в литературоведческом круге, ставит его имя в ряд крупных востоковедов советской эпохи.

На основе своих наблюдений М.Ауэзов делает важное, обоснованное заключение: «Таким образом, рассматривая вопрос о книжном влиянии эпоса других народностей на «Манас», мы должны признать, что персидский эпос, в особенности «Шахнаме», занимает здесь одно и самых видных мест» [2, с. 143].

Отметим любопытное обстоятельство. В конце монографии М.Ауэзов, разбирая некоторые комические элементы эпоса «Манас», приводит шутивно-ироническое отношение к чужим обычаям и представлениям, переданное в картине встречи Манаса с родственниками Каныкей, когда он приезжает сватать невесту. «Осмеивается оседлый быт горожан (по всей вероятности, это населенная таджиками Бухара – А.Н.), которые не только не пользуются лошадьми, но даже боятся их, принимая за опасных зверей:

Много таджиков
Ловких и известных,
Как увидят дерущихся жеребцов,
Разбегаются в страхе по домам...» [2, с. 148].

Эти примеры, приведенные М.Ауэзовым, свидетельствуют, что в вариантах «Манаса» прямо указывается на принадлежность рода Каныкей к таджикам. Это, по нашему мнению, и подтверждение того, что появление в XVI веке историко-литературного произведения «Маджму-ат-таворих» в таджикской письменной литературе краткого прозаического таджикского варианта «Манас» не случайно. Но эта тема для отдельной исследовательской работы. В то же время с удовлетворением можно отметить вклад М.Ауэзова в сравнительное изучение таджикской и киргизской литератур. Думается, что намеченные им «предварительные вехи для дальнейшего глубокого изучения» «Манаса» в сопоставлении с таджикской литературой найдет своего продолжателя и в таджикском, и в киргизском литературоведении.

В своих фундаментальных трудах об истории казахской литературы М.Ауэзов определил роль персидско-таджикской классической литературы в становлении казахской литературы, в том числе благотворное влияние этой литературы на творчество Абая. Оценивая значение таджикской литературы для Абая, он отмечал: «Из всей древней культуры Востока Абай отобрал духовной пищей для себя только классическую поэзию арабско-иранской и «чагатайской» старины. Только Фирдоуси, Хафиз, Саади, Низами, Навои и Физули получили за свои бессмертные, подлинно поэтические творения настоящее признание у Абая» [1, с.148]. Что касается вопроса отношения Абая и таджикской литературы, то мы ограничимся приведенным высказыванием Ауэзова, так как во второй главе настоящей работы этот вопрос нами рассмотрен подробно.

Большое место в трудах М.Ауэзова занимает наблюдение за развитием тюркоязычной литературы в регионе. Одним из них является его статья о творчестве Алишера Навои. Ауэзов, анализируя творчество Навои, усматривает в нем влияние произведений классиков персидской литературы Низами, Дехлави, Хафиза и Джамии. В статье М.Ауэзов утверждает, что Абай и другие казахские литературоведы знакомились с классиками персидско-таджикской литературы иногда посредством произведений Навои» [6, с. 284].

Известно, что народы Средней Азии и Казахстана издревле общались через художественное слово. Это было обусловлено экономической и культурной общностью народов, населявших данный регион. Поэтому М. Ауэзов при исследовании проблем казахской литературы рассматривает их во взаимной связи с другими национальными литературами, в особенности со среднеазиатскими. Такой метод позволяет Ауэзову выявить общие достижения и недостатки литераторов, участвовавших в этом взаимообмене.

М.Ауэзов – автор ряда исследований по сравнительному изучению национальных литератур. В своем совместном докладе с писателями П.Антокольским и М.Рыльским на II съезде писателей СССР о художественном переводе он назвал перевод «высшим проявлением дружбы». М.Ауэзов считает, что художественные переводы издавна и все интенсивнее, по мере расширения международных связей, способствовали духовному взаимообогащению народов всего мира. Недаром среди лучших традиций многонациональной литературы, – продолжает он, – выделяется традиция духовного содружества, выпестованная в трудностях и невзгодах, в противовес межнациональной разобщенности... Героический эпический памятник «Слово о полку Игореве» известен как общее достояние русского, украинского и белорусского народов... Эпос «Кёр-Оглы», высоко оцененный Н.Г.Чернышевским, столетиями бытовал в оригинальных вариантах на туркменском, таджикском, узбекском, азербайджанском, казахском, каракалпакском языках. К поэтическим родникам творчества Низами и Навои приникали, чтобы утолить духовную жажду поколения азербайджанцев, узбеков и казахов, таджиков и татар» [2, с. 236].

Обращаясь к сравнительному изучению литератур, М.Ауэзов придерживается важного принципа, согласно которому рекомендует «учесть» то обстоятельство, что литературы всех народов, от малых до великих, име-

ют свои особенности и духовные богатства» [7, с. 415]. Касаясь казахско-таджикских литературных связей, он отмечал, что в области литературных взаимоотношений братских народов есть множество интересных и сложных тем для сравнительного изучения. Например, можно было бы изучить в сопоставительном плане автобиографический роман М.Горького с произведениями «Бухара» С.Айни, «Школа жизни» С.Муканова и «Утро нашей юности» С.Улугзаде [2, с. 406]. Относительно поэтических жанров, – продолжает он, – сравнительное изучение образцов поэм, начиная с наших Таира, Абдильды, Хамита, Калижана, с произведениями Турсунзаде, Гафура Гуляма, Самеда Вургунга, Аалы Токомбаева, Жомарта Бокенбаева дало бы плодотворные результаты» [2, с. 407].

Интересны наблюдения Ауэзова о развитии современной таджикской литературы. Делясь своими впечатлениями о зарубежной поездке, в своей речи на пленарном заседании конференции писателей стран Азии и Африки в Ташкенте, он сказал: «Я наблюдал в Чехословакии месячник чехословацко-советской дружбы. Широкие круги чехословацких читателей знакомились с прошлым узбекского народа, специально перечитывая, обсуждая роман Айбека «Навои».

То же самое с романом нашего знаменитого писателя, старшего ага всех нас, писателей Средней Азии и Казахстана, таджикского писателя Садриддина Айни «Бухара». В этом своем романе Садриддин Айни воспроизвел незабываемые страницы истории своей родной Бухары – Бухары его детства и отрочества. Великолепно нарисовал он жизнь знаменитого медресе «Мир-Араб», создав зримые, волнующие картины из своего детства и жизни всего своего народа в прошлом... Ныне роман «Бухара» переведен на многие и многие языки народов мира...» [7, с. 200].

Это еще раз подтверждает, что М.Ауэзов с большим уважением относился к творчеству С.Айни, называя его зачинателем среднеазиатской художественной прозы. Говоря об обогащении форм новой литературы, Ауэзов отмечает, что «наши классики, передовые деятели XIX века, считали своей исторической миссией сближение своих творческих поисков с передовыми традициями русской классической, а через нее и мировой литературы. Так поступил и Абовян, Чавчавадзе, Ахундов, Хетагуров, Абай, Тукай, Садриддин Айни, Хамза Хаким-заде Ниязи. От них мы унаследовали, – продолжает он, – глубоко народные традиции культурного обогащения нацио-

нальных форм на новом этапе истории» [7, с. 293]. Русский исследователь К.Зелинский усматривает национальное и в творчестве самого Ауэзова. Так же как в «Абае» М.Ауэзова, – пишет он, – горьковское в "Воспоминаниях" С.Айни глубоко трансформировано и преобразовано в свое национальное» (8).

Величие этих двух корифеев литературы Центральной Азии и их художественный опыт верно отмечено Чингизом Айтматовым: «Я хочу признаться читателям, – писал он в статье, опубликованной в «Литературной газете», – в своей неизменной и почтительной любви к Мухтару Ауэзову и Садриддину Айни. Оба они – явления уникальные... Пожалуй, трудно себе представить столь несхожие художнические индивидуальности – при определенной схожести главных тем и проблем в творчестве, – как Айни и Ауэзов» (9). Так воспринимается творчество этих двух великих писателей, порожденных двумя дружественным народами.

М.Ауэзов тепло отзывается об Айни в статье о развитии литературных связей народов средней Азии и Казахстана, написанной совместно с профессором Е.В.Лизуновой. Говоря о плодотворном влиянии Горького на творчество Айни, он пишет, что «национальные литературы глубоко воспринимают горьковский прием показа роли народного творчества в духовном формировании героя именно потому, что он органически отвечает присущей восточным народам любви к песне, поэзии, искусству импровизации. Призыв Горького освоить народное творчество нашел живой отклик у писателей всех национальностей. Садриддин Айни писал: «Творчество Горького оказало решающее влияние на мое формирование как советского писателя. У Горького, по словам Айни, он научился использовать в своих произведениях фольклор» [7, с. 230].

Возвращаясь снова к этой теме, Ауэзов подходит к ней с иной позиции. Говоря о национальном стиле, он определяет его как «не застывшее явление». «В художественном творчестве нет стандартов, в самобытном, оригинальном искусстве нет двух одинаковых произведений, – утверждает он. Сравнивая «Воспоминания» С. Айни с произведениями других писателей с позиции национального стиля, он отмечал: «Очень сходны по темам, по идейным авторским заданиям известные автобиографические произведения «Детство», «В людях», «Мои университеты» М.Горького, «Бухара» Садриддина Айни, «Школа жизни» Сабита Муканова, «Утро нашей жиз-

ни» Сатима Улугзаде. Но все они различны по своим национальным стилям. Каждый из авторов использует самобытные краски, чтобы показать особенности формирования национального характера в трудовой русской, узбекской, таджикской, казахской среде. Различия в национальных стилях простираются вплоть до разнообразия повествовательных интонаций: эпически неторопливой и психологически углубленной у М.Горького, новеллистической у С.Айни, непринужденно-разговорной, близко к живой импровизации сказа у С.Муканова, сочетающей скорбную приглушенность в описаниях прошлого и радостную взволнованность в рассказе о новом у С.Улугзаде» [7, с. 452].

Оценивая в своей статье «Литература народов Средней Азии» поэзию Рудаки и «Шахнаме» Фирдоуси как жемчужины таджикской литературы, М.Ауэзов более подробно останавливается на разборе творчества С.Айни. Он называет его «основателем современной таджикской прозы». «В произведениях Садриддина Айни, – пишет М.Ауэзов, – отражена жизнь таджикского народа разных исторических эпох. В его романе «Рабы» и повести «Одина» рассказывается о тяжелой жизни таджикского народа до революции. В романе «Дохунда» он освещает драматическую любовь Ёдгора и Гулнор.

Двухтомные воспоминания С.Айни называются «Бухара». В них всесторонне проявилось стилистическое и художественное мастерство Айни. Произведения Айни оказали огромное влияние на литературы народов Средней Азии. Для исследователей литературы интересным материалом является тема «Айни и русская литература» и суждения Айни о творчестве А.С.Пушкина» [2, с. 452].

Этими впечатлениями и суждениями о писательском мастерстве С.Айни, о значении его творчества для таджикской литературы и всего среднеазиатского региона М.Ауэзов выразил свое глубокое уважение к таланту таджикского художника слова. Характеризуя во многих своих статьях писательскую деятельность Айни, Ауэзов представляет его творчество целой школой в освоении жанров романа и повести для писателей Средней Азии и Казахстана.

Отмеченные Ауэзовым общие черты творчества Айни прослеживаются далее в его суждениях о других крупных представителях таджикской литературы. В этом плане Ауэзов придавал особое значение творчеству М.

Турсунзаде. Этих двух великих литераторов современности объединяли не только личная дружба, совместная работа в писательской организации Азии и Африки, но и глубокий взаимный интерес к творчеству друг друга. Их отношения являются яркой страницей в истории таджикско-казахских литературных связей.

Отмечая «стремительный рост письменной поэзии» народов Средней Азии, М.Ауэзов с удовлетворением говорит о творческих поисках М.Турсунзаде, М.Миршакара, раскрывающих своеобразный эстетический мир" своего народа. «Небывалый рост поэзии братских народов, – писал он, – выражается в расцвете лирики и стремлении к созданию больших эпических полотен. Особенно удачны поэтические открытия Мирзо Турсунзаде в области политической лирики» [2, с. 325].

В своих научных и исследовательских работах Ауэзов, высоко оценивая поэтическое мастерство М.Турсунзаде, считает его стихи и поэмы лучшими образцами советской поэзии. В статье «Развитие литератур народов СССР», отзываясь о творчестве Турсунзаде, он пишет, что «М.Турсунзаде является самым видным молодым представителем современной таджикской литературы. Его поэма «Сын Родины» посвящена теме Великой Отечественной войны, а цикл повествований «Индийская баллада» объективно отражает тяжелое нищенское положение индусов, несущих тяжбы администрации английских колонизаторов. Сравнивая с этим жизнь своего народа, он пишет о громадном росте культуры таджиков» [2, с. 325].

В другом случае он высоко оценивает высокий гражданский пафос поэмы «Голос Азии» и ее гуманистическую основу. «Что дал нашим современным литераторам таджикский поэт М.Турсунзаде? – писал он. По его стихотворению «Голос Азии» можно судить, что он очень много знает. В этом стихотворении он от имени народов Азии и Африки выразил такую мысль, о чем поэты Индии, Китая, Ганы и Японии не могли даже помышлять. В каждой ее строке есть и обыкновенные проблемы, но они сказаны с высоты современных передовых позиций» [2, с. 452].

М.Ауэзов подчеркивает лучшие стороны творчества Лахути и Турсунзаде. По его мнению, преемственность обогащает качества любой литературы. Он считает, что новаторское отношение таджикских поэтов к своему прошлому может служить полезным примером для их казахских коллег. «Если наблюдать за развитием таджикской современной поэзии, – писал

он, – то особенно интересны творческие поиски Лахути. В продолжение литературных традиций в новом качестве, в обогащении образной системы современной поэзии, ее ритмики и рифмы эстетическими ценностями прошлого огромное значение имеют новаторские поиски Турсунзаде. Мы высоко ценим это. Всесторонне познавая опыт его поисков, мы будем использовать их в своих творческих исканиях.

В этом отношении, – продолжал он, – как и в киргизской литературе, успехи таджикской литературы мы сможем понять при их сравнительном анализе с общими достижениями русской литературы» [2, с. 453].

Говоря о литературной преемственности, М.Ауэзов обращает внимание на то, что в «Очерках истории таджикской советской литературы» интересно подмечено, что еще в тридцатые годы повесть Дж.Икрами «Две недели» была написана под сильным воздействием «Недели» Ю.Лебединского, а повесть «Что привез из Москвы?» – под влиянием повести «Гашкент – город хлебный» Неверова.

Интересной и поучительной является тема Ауэзов и Икрами. Академик М.Шукуров, хорошо знавший и встречавший Ауэзова в литературных кругах, в личной беседе с автором этих строк (март 1996) и в своем вступлении на научной конференции, посвященной 100-летию М. Ауэзова в АН РТ (24 июня 1997), рассказал о беспрецедентном случае с этим талантливым писателем. По словам Шукурова, Ауэзов не пользовался особым доверием властей. Об этом свидетельствует и казахский писатель А.Нурпеисов, который в своем «Слове об учителе» писал, что на его долю выпала нелегкая судьба. Чего скрывать, бывали годы в жизни писателя, когда он оставался в плотном кольце одиночества. Единственным спасением было для него то, что в трудные минуты он неизменно выбирал себе трех верных спутников: труд, терпение и упорство» [7, с. 392]. И в эти послевоенные годы М.Ауэзов бывал в Москве, преподавал курс лекций в МГУ.

Академик Шукуров рассказывает, что он слышал много об Ауэзове от И.С.Брагинского, который очень уважал Ауэзова и много писал о нем. В год, когда Ауэзов находился в Москве, Брагинский случайно узнает, что Ауэзов по возвращении из Москвы на родину будет арестован (возможно, через А.Шарифа, тогдашнего преподавателя кафедры литературы народов СССР МГУ, где сотрудничал и М.Ауэзов.) И.Брагинский известил об этом Б.Гафурова. Академик Б.Гафуров при посещении приемной И.В.Сталина

попросил его защитить «этого величайшего литератора современности от политической расправы». Таким образом, по поручению Сталина были сняты всякие обвинения с М.Ауэзова. Об этом знал и сам М.Ауэзов. В свою очередь он также оказал огромную помощь своему таджикскому коллеге Дж.Икрами.

Академик М.Шукуров отмечает, что и Дж.Икрами не пользовался политической благонадежностью в официальных кругах как выходец из аристократической семьи. В 1957 году был опубликован роман Дж.Икрами «Признаю себя виновным», который по жизненному материалу и проблематике, по всей идейно-художественной основе был новым явлением в таджикской прозе.

Поэтому это произведение Джалола Икрами и не сразу было принято литературной общественностью республики. Поведение молодого сельского учителя, директора школы Анвара Салимова, любовь этого семейного человека к Зайнаб, инспектору облоно, были восприняты как аморальный поступок, а писателя обвинили в пропаганде такого поступка [11, с. 11]. В романе «Признаю себя виновным» нашли дальнейшее развитие некоторые тенденции, выявившиеся в творчестве Дж. Икрами еще раньше, в частности, в его довоенной повести «Зухра» (кстати, тоже непонятой и осужденной тогда литературной общественностью) [11, с. 13]. «Опасность, нависшую над романом, удалось отвести на Декаде таджикской литературы и искусства в Москве (1957), где некоторые писатели и критики выступили в его защиту» [11, с. 12]. В разгоравшемся споре вокруг романа участвовал и М.Ауэзов. Объективные выступления казахского писателя в защиту этого романа определили дальнейшую его судьбу.

М.Шукуров вспоминает, что выступления М.Ауэзова в Союзе писателей СССР по поводу романа были выслушаны с огромным вниманием. "Он начал свой разговор, – продолжает М.Шукуров, – с таджикской классической музыки «Шашмаком» и закончил оценкой романа Икрами, показывая свое глубокое знание истории таджикской культуры и литературы. Таким образом, Ауэзов на декаде и в последующей статье выразил свое впечатление от романа.

Своими впечатлениями о декаде Ауэзов поделился в статье для таджикской прессы «По поводу новой книги Дж. Икрами», опубликованной 24 апреля 1957 года в газете «Коммунист Таджикистана». Судя по его словам,

он «с огромным интересом следил за успехами своих таджикских братьев по перу. Будучи сам прозаиком, – пишет он, – я специально готовился выступать на обсуждении таджикской литературы по произведениям художественной прозы.

Мне давно знакомы все прозаические произведения Таджикистана – книги С.Айни, С.Улугзаде и других писателей.

На эту декаду таджикские литераторы привезли свои новые произведения. Среди них: «Признаю себя виновным» Джалола Икрами.

Мне понравились в этой книге несколько ярко выделяющихся моментов, внутренняя характеристика героев с раскрытием их психологии, когда отдельные лица изображены автором не одной краской – черной или белой, а выявлена натура человека со всеми оттенками его характера. Это не только по линии поступков, основных волевых устремлений, но и по линии выявления обертонов самых сокровенных переживаний. В обрисовке многих персонажей они звучат у Икрама убедительно и порой тонко.

Не в пример отдельным таджикским прозаикам, Икрами хорошо включает в ткань повествования природу, передает состояние человека. Все светлое в людях, все мрачное в отдельных низменных душах он воспроизводит уверенной манерой зрелого реалиста» [12].

В то же время с позиции высоких требований истинного художника М.Ауэзов указывает на некоторые недостатки романа. «Но у меня вызвали сомнения, – продолжает Ауэзов в названной статье, – основные действующие лица романа с их борьбой и поступками. Они обрисованы однопланово и несколько идиллическими. Однокрасочные, они дают повод разговорам о лакировке, о бесконфликтных ситуациях. Создается досадное впечатление, что автор, имея прекрасную возможность развернуть серьезные драматические коллизии, острую борьбу вокруг личной жизни своего центрального героя Анвара, не решился сделать это, как будто он пожалел или побоялся создать подлинную драму» [12]. Такое честное замечание Ауэзова помогло в дальнейшем творчеству Икрами.

Оптимистически заключая свою статью, Ауэзов высоко оценивает культуру и литературу таджикского народа. «В целом, – отмечал он – декада братского таджикского народа произвела на меня исключительно сильное впечатление, тем более радостное, что я воочию убедился в огромном культурном росте Таджикистана» [12].

"В этих словах маститого писателя, возглавляющего серьезные творческие поиски писателей Средней Азии и Казахстана, было определено значение книги Дж.Икрами для дальнейшего развития прозы в литературе наших народов» [11, с. 12].

Отмеченные Ауэзовым достоинства романа «Признаю себя виновным» и его промахи были приняты Дж.Икрами с благодарностью. Профессор А.Сайфуллаев считает, что «замечания Ауэзова о слабости конфликта и драматического развития сюжета романа «Признаю себя виновным» имели большое значение для Дж. Икрами, и думается, что в своих последующих произведениях он учел это. Нет сомнений, что при написании своего романа «Дочь огня» Икрами последовал советам Ауэзова. Острота конфликта в сюжете этого произведения, наверное, плод этих дружественных советов» [13, с.157].

Резюмируя в общих чертах высказывания М.Ауэзова о таджикской литературе в небольших статьях и замечаниях, можно говорить о том, что при способности глубоко вникать в отдельные литературные явления, приходится констатировать отсутствие у него теоретических исследований как в области таджикской, так и в сфере казахско-таджикских литературных взаимосвязей. При всем этом особо хотим подчеркнуть, что мысли, высказанные М.Ауэзовым в различной форме и в разное время, оказали существенное влияние на развитие современной казахской и таджикской литератур и их взаимных связей. Об этом свидетельствуют высказывания таджикских литераторов о творчестве М.Ауэзова и его высоком писательском авторитете.

Продолжая разговор об Ауэзове и Дж.Икрами, можно полагать, что художественный опыт Ауэзова, особенно его роман «Путь Абая», очень тепло воспринятый таджикским писателем, оказал на него благотворное влияние. Это можно подтвердить только путем специального сравнительного изучения творчества обоих писателей. Но в то же время нельзя отрицать наличия такого влияния, так как впечатление Икрами от романа «Путь Абая», «любимого, уважаемого и дорогого писателя» для него было огромным. Не может быть, чтобы такое эмоциональное, восторженное отношение к этому произведению не наложило бы отпечаток на творчество самого Икрами.

Например, в статье, посвященной 60-летию М.Ауэзова «Дорогой и уважаемый писатель», Икрами выразил свое впечатление о романе «Путь

Абая» таким образом: «Мухтар Ауэзов своим величайшим творением «Абай» украсил сокровищницу советской литературы, он показал миллионам людей, которые считали Казахстан бесплодной пустыней, а казахов лишь ездоками на верблюдах, что эти широкие степи обладают бескрайней красотой, что каждый ее холм, каждый ее бархан имеют собственную историю, и с ними связаны сказания, он показал, сколько крови пролито за жизнь и счастье на этой земле, сколько интереснейших людей отдали свою жизнь за нее...» [14, с. 77].

Высоко оценивая эпопею «Путь Абая» и ее художественные достоинства, Икрами пишет: «Мухтар Ауэзов своим научным и литературным творчеством завоевал любовь нашего народа. Он достоин того, чтобы казахский народ гордился именем своего талантливой сына. Сегодня тысячи таджикских читателей знакомы с переводами произведений М.Ауэзова и считают его своим любимым писателем.

Мухтар Ауэзов, – заключает Дж.Икрами, – не только своими произведениями, но и своими советами, дружескими замечаниями оказывал неоценимую помощь нам, таджикским писателям. Он внимательно и искренне относится к развитию таджикской литературы. Он радуется вместе с нами за наши успехи, и наши неудачи огорчают его» [14, с. 77].

Чуть позже, еще раз возвращаясь к теме «дорогого ему писателя», Икрами более поэтично выражает свое отношение к роману «Путь Абая». «После прочтения этого бессмертного произведения казахские степи в моем представлении стали другими, краше и интереснее. Этим произведением Мухтар Ауэзов раскрывает всю красоту и поэзию широких казахских степей, умело, предвидя их будущее...» [15, с. 90]. Затем его впечатления от прочитанного, образ Абая и его окружение, прекрасные картины казахских аулов как бы отражаются в художественных полотнах самого таджикского писателя.

«Если такой мастер художественной прозы, как Дж.Икрами, – справедливо замечает А.Сайфуллоев, – говорил о романе «Абай» и его героях с таким огромным впечатлением, то никак не может он остаться вне его влияния. При освещении исторических событий в своем творчестве, такое влияние невольно может проявиться. И в этом случае влияние великого казахского писателя на таджикского литератора могло бы поднять его мастерство в освещении действительности. Таким образом, можно установить, что мно-

гие таджикские писатели учились у мастеров слова современной казахской литературы. Несомненно, это послужило развитию таджикской литературы» [13, с. 162].

Известно, что каждый значительный писатель воздействует на других писателей (в том числе иноязычных) по-своему, какими-либо особыми сторонами, которые представлены у него наиболее ярко. Так, например, влияние Мухтара Ауэзова в области художественной прозы на Дж.Икрами и других таджикских литераторов не вызывает сомнения. В этом смысле можно говорить и о влиянии творчества Садриддина Айни на писателей Средней Азии и Казахстана, связанного, прежде всего, с осмыслением исторической темы и нравственного примера.

По справедливому замечанию академика М.Шукурова, «для таджиков и таджикской литературы особенно большое значение имели и имеют романы Абдулло Кадыри «Минувшие дни» и «Скорпион из алтаря», Айбека «Священная кровь» и «Навои», эпопея Мухтара Ауэзова «Путь Абая». В произведениях А.Кадири и Айбека изображена жизнь, общая для узбекского и таджикского народов. В романе М.Ауэзова также изображены события и характеры, очень близкие таджикам. Эти произведения помогли таджикскому народу понять, переосмыслить собственную историю. А такие произведения С.Айни, как «Рабы», «Смерть ростовщика» и «Воспоминания», а также некоторые современные таджикские исторические романы содействовали развитию национального самосознания народов Средней Азии и Казахстана [11, с. 190].

Подобные взаимовлияния и взаимосвязи, существующие издревле у народов Средней Азии и Казахстана, нашли свое традиционное продолжение в условиях становления и развития литературы нового времени. Об этом говорит и Ауэзов, когда «определяет влияние национальных традиций на казахскую литературу в комплексе, выдвигает проблему синтеза и его значения в процессе взаимодействия [5, с. 122]. Говоря об основах творчества и воззрений Абая, Ауэзов подчеркивает, что «здесь налицо огромный и замечательный синтез: народных, мудрых воззрений, классики Востока и классической европейской культуры, восходящей в своих истоках к античной культуре» [1, с. 126].

Необходимо сказать и о том, что умение теоретически осмыслить литературные явления, компетентные суждения о литературных связях народов подняли авторитет этого писателя в глазах литературной общественности

Таджикистана. Поэтому таджикские писатели, учившиеся у М.Ауэзова, много писали о нем.

По мнению М.Турсунзаде, «Творчество Мухтара Ауэзова – выдающееся явление всей советской литературы» [16, с. 5]. У таджикского поэта всегда было особое отношение к творчеству М.Ауэзова. Это отношение выразилось в оценке его книги «Путь Абая», данной в поздравительном письме М.Турсунзаде по случаю 60-летия М.Ауэзова. «Эта книга, – говорится в нем, – имя ее писателя ставит в первые ряды советской литературы, в ряд лучших писателей страны. Имя Мухтара Ауэзова известно не только советским читателям, но и миллионам читателей зарубежных стран. Побывав во многих западных и восточных странах, я услышал его имя из уст многих людей, увидев переводы его произведений, искренне радовался за друга, любимого писателя, что его слова нашли путь к сердцам простых людей» [17, с. 20].

Своё глубокое уважение к Ауэзову М.Турсунзаде выразил в стихотворении, написанном при посещении Дома-музея М.Ауэзова в 1969 году.

М. Турсунзаде всегда дорожил дружбой с М.Ауэзовым. По любому поводу, при любом удобном случае он вспоминал о своем казахском друге. Еще в своем вступительном слове при открытии декады русской литературы в Таджикистане в 1960 г., подчеркивая благотворное влияние русской литературы на писателей Средней Азии и Казахстана, он отметил, что на «интересный роман Мухтара Ауэзова» благотворно повлияла русская классическая литература. «Прочитывая его – отметил он, – нетрудно заметить, что в нем наблюдается своеобразный стиль повествования Льва Толстого. Это очень хорошо!» [19, с. 10].

Чуть позже эти слова М.Турсунзаде подтверждаются И.С.Брагинским, который говорил об «источниках влияния на молодого Ауэзова». В беседе с И.С.Брагинским М.Ауэзов говорил об общем идейно-художественном влиянии русской классики: «Знаете ли вы, – сказал Ауэзов, – кто оказал на меня самое большое влияние? Не догадаетесь: Тургенев. Вы не смотрите, что на поверхности, может быть, этого влияния и не видно. Литературное влияние – это не простая вещь, это только упрощенцы думают руками схватить и показать, смешивая влияние и подражание. Творческое влияние происходит где-то в глубине, проникает в самую душу писателя, делается его второй природой и проявляется как-то по-своему, по-особому, не всег-

да заметно для невооружённого взгляда. Вот так и Тургенев, а ведь его-то я больше всего и любил смолоду» [20, с. 240].

Много сказано и о взаимоотношении творчества М. Ауэзова и восточной литературы. А в таджикском литературоведении об этом говорил академик М. Шукуров: «Образы мудрых стариков в литературе народов советского Востока уже давно стали традиционными. Немало встречается в их изображении элементов стереотипного мышления писателей, но в основном это одно из проявлений тесной связи литературы с миропониманием, у которого очень развит культ седой мудрости. Старики в глазах народа олицетворяют опыт поколений. Не случайно Мухтар Ауэзов неоднократно возвращается к этому образу, и, как заметила З.С. Кедрина, образ этот в его произведениях претерпел определенную эволюцию: [11, с. 17] «По мере идейно-художественного роста автора этот персонаж приобретает все более реалистические черты, постепенно превращаясь из условной фигуры, символизирующей справедливость, в конкретный образ борца за счастье народа» [21, с. 23].

Многочисленные высказывания М. Турсунзаде и других литераторов об этом «великом писателе современности» были поддержаны и другими таджикскими писателями. Например, писатель Ф. Ниязи в специальной статье, посвященной Неделе казахской литературы в Таджикистане (1963) писал, что «одним из искренних и горячих друзей таджикской литературы в Казахстане был Мухтар Ауэзов. До конца своей жизни он занимался изучением и исследованием таджикской литературы. Мы знали его, как благородного читателя, внимательного редактора и активного пропагандиста таджикской литературы» [22]. В этих искренних словах правильно подчеркнуты заслуги Ауэзова в исследовании и пропаганде таджикской литературы.

Далее, продолжая разговор об Ауэзове, он пишет: «В дни празднования 60-летия Мухтара Ауэзова мне с группой таджикских писателей довелось побывать в Алма-Ате. В доме М. Ауэзова меня поразили богатство и разнообразие его личной библиотеки. Один из больших шкафов в этой замечательной библиотеке был занят таджикской литературой. Здесь были и древние восточные рукописи, издания классиков таджикской литературы и книги современных таджикских писателей. Я увидел среди этих книг произведения Садриддина Айни, «Признаю себя виновным» и «Шоди» Джаллола Икрами, «Пулат и Гулру» Рахима Джалила, «Навобод», «Утро нашей

жизни» С.Улугзаде, роман «Верность», сборник рассказов Пулода Толиса, много книг Мирзо Турсунзаде, Мирсаида Миршакара. Видно было, что хозяин часто вынимал из шкафа, читал, просматривал, перелистывал, делая пометки на полях. Мухтар Ауэзов внимательно следил за творчеством наших писателей. С особой любовью и уважением говорил он о Садриддине Айни» [22].

В характеристике М.Ауэзова таджикскими писателями и критиками были отмечены, прежде всего, высокое художественное достоинство романа «Путь Абая» и его неопределимые советы при анализе произведений некоторых таджикских литераторов. Иногда М.Ауэзов исправлял некоторые допущенные со стороны своих казахских коллег ошибки в оценке литературного наследия таджикского народа. Например, в своём заключительном слове на конференции, посвященной изучению литературного наследия, в 1959 г. он проявил себя как знаток таджикской литературы. «Товарищ А.Сайфуллоев (из Таджикистана –А.Н.), – отметил М.Ауэзов, – критиковал общую безадресную критику в наших прежних исследованиях относительно классиков восточной литературы. Он правильно отметил, что классиков восточной литературы, в частности, классиков литературы наших таджикских братьев: Рудаки, Фирдоуси, Хафиза, Саади, Насир Хосрау – мы должны понять каждого в отдельности с присущим своеобразием. В этом отношении нельзя не вспомнить слова Гёте, который сказал, на фарси писали семь великих поэтов, худший из которых лучше меня.

М.Базарбаевым было сказано, что в поэтических наследиях Востока якобы больше схематизма. Товарищ А.Сайфуллоев достойно ответил на это замечание. В действительности сегодня нельзя говорить о восточной классике как прежде, с позиции привычной большинству общей «критики» [7, с. 392].

Проявление такого глубокого знания восточной литературы, компетентность в суждениях поднимали его научный и писательский авторитет среди литераторов разных мастей. Поэтому ауэзовские толковые суждения по любым вопросам казахской литературы или проблемам литературных связей часто бывали определяющими. Но прежде всего М.Ауэзова ценила как художника читающая публика, в том числе таджикские читатели. Это выражалось в многочисленных отзывах поклонников его таланта.

Таким образом, подводя итоги, следует еще раз указать на особую роль М.Ауэзова в истории таджикско-казахских литературных взаимоотноше-

ний, имея в виду и особое отношение таджикских писателей и критиков к его творчеству. Он был не только посредником между двумя литературами, но и великим пропагандистом таджикской литературы для своего родного казахского читателя. У Ауэзова, который много изучал Восток и много о нём писал, заметно влияние восточного и в его ранних драмах. Плодом такой учебы и исканий явилась пьеса «Каракоз», в которой ощущаются восточные элементы.

Несомненно, что в творчестве Мухтара Ауэзова национальное удачно сочетается с инонациональным. Его глубоко национальное творение «Путь Абая» и другие свидетельствуют о том, что у писателя своя манера, свой способ и путь выхода в мировую литературу. Чужеземное в М.Ауэзове в то же время национально, крепко внедренное в национальную казахскую культуру. Это подтверждает ту истину, что «национальное характеризуется не только локальными особенностями, местным колоритом, этнографизмом, духовным складом данного народа и т.п., но и характером связей с культурой других народов, своим особым выходом в общечеловеческий мир» [23, с. 5].

Литература

1. Ауэзов М. Мысли разных лет. – Алма-Ата, 1961.
2. Ауэзов М. Собр. соч. в 20-и томах. -т.19. – Алма-Ата, Жазушы, 1985.
3. Біздің Мухтар. – Алматы, 1976.
4. Лизунова Е.В. М.Ауэзов о проблемах взаимосвязей национальных литератур. В кн.: Межнациональные связи казахской литературы. – Алма-Ата, 1970.
5. Нурпеисов А. Собр. соч. в 4-х томах, т.4. – Алма-Ата, 1982.
6. Мухтар Ауэзов. Собр. соч., – т. 11, – Алма-Ата, 1969.
7. Мухтар Ауэзов. Собр. соч., – т. 20, – Алма-Ата, 1985.
8. Литературная газета, 1968, 4 октября.
9. Айни Садриддин. Литературные заметки. – «Правда», 1954.
10. Очерки истории таджикской советской литературы, т. 1. – Сталинабад, 1956.
11. Шукуров М. Обновление. – М., 1986.
12. Мухтар Ауэзов. По поводу новой книги Дж.Икрами //Коммунист Таджикистана, 1957, 24 апреля.

13. Сайфуллоев А. Паёми бародари. – Душанбе, 1972.
14. Икрами Дж. Дорогой и уважаемый писатель (на тадж. яз.). // шарки сурх, 1957, №10
15. Икрами Дж. Хикоя ва очеркхо. – Сталинабад, 1960.
16. Турсунзаде М. Лично причастен к истории // Дружба народов, – М., 1958.
17. Ауэзов М. Сб. статей к его 60-летию. – Алма-Ата, 1959.
18. Нуралиев А. Баурлас адебиеттер байланысы. (Связи братских литератур). //Жулдыз, 1983. – №10.
19. Турсунзода М. Куллиёт. т. 4 Маколахо. – Душанбе, 1985.
20. Брагинский И.С. Ученый поэт. К характеристике научной деятельности М.Ауэзова// Народы Азии и Африки, 1961. – №6.
21. Кедрина З.С. Мухтар Ауэзов. Краткий биографический очерк. – М., 1961.
22. Ниязи Ф. Встреча с другом. // Коммунист Таджикистана, 1963, 5 октября.
23. Ровда К.И. Чехи и русские. – М, 1968.